

Глубокой ночью в Резиденции регента царил яркий свет.

Чжань Сюйтань, облачённый в свободную белоснежную шёлковую ночную сорочку, без всякой церемонности скрестив ноги, сидел перед зеркалом для макияжа из сандалового дерева. В руке он держал изящный маленький золотой пинцет и со всех сторон разглядывал волевые черты лица, отражавшиеся в бронзовом зеркале.

— И впрямь чертовщина.

Чжань Сюйтань протянул руку и потрогал аккуратно подстриженную, идеальную по своему изгибу короткую бородку на подбородке. Каждый волосок был одинаковой длины, а края — ровными, словно их вымеряли по точной линейке, что излучало не допускающую возражений зрелую и властную ауру высокопоставленного сановника.

В двадцать первом веке изысканная короткая бородка, способная подчеркнуть ауру зрелого политика, вовсе не поддерживалась простым ежедневным подравниванием. Линии, длина и общие пропорции — всё требовало долгого ухода и заботы. В конце концов, для человека, стоящего под прицелом софитов, внешний образ — это тоже часть политики.

Но как же первоначальный хозяин тела сумел содержать бороду в таком безупречном порядке здесь, в отсталой древности, где даже нет водопровода?

Чжань Сюйтань уставился на себя в зеркало, и его кончики пальцев снова скользнули по изящной бородке.

Чёткие линии, одинаковая длина, и даже кончики подстрижены так, что ни один волосок не выбивается из общего вида.

Очевидно, прежний владелец не просто приводил себя в порядок время от времени, а тратил немало сил на поддержание этого величественного вида.

При императорском дворе власть никогда не исходила лишь из рук, держащих бразды правления; она также питалась первыми впечатлениями окружающих.

Величественные одежды, один лишь взгляд, безупречно ухоженная бородка — всё это являлось неотъемлемой частью личности регента.

— Пожалуй, он лучше умел управлять своим имиджем, чем многие современные политики, — пробормотал Чжань Сюйтань.

Раз уж ему удавалось крепко удерживать за собой место регента под пристальными взглядами всех гражданских и военных чиновников при дворе, прежний хозяин тела явно полагался не только на жестокие методы.

Но как же в эту древнюю пору, где даже водопровод отсутствовал, прежний владелец умудрялся содержать бороду в столь идеальном порядке?

— Неужели он брился кухонным ножом?

Чжань Сюйтань мысленно представил себе нелепую картину: грозный регент каждое утро закрывает глаза, вытягивает шею и позволяет тайным стражникам вовсю орудовать огромным тесаком у него на подбородке, отчего по спине невольно пробежал холодок.

Откинув крышку стоявшей рядом шкатулки для макияжа из агарового дерева, он обнаружил внутри великое множество самых разных инструментов. Помимо маленького золотого пинцета, там лежали несколько гребней с мелкими зубьями, вырезанных из звериных костей, пара маленьких напильников причудливой формы и несколько пузырьков с невзрачной мазью, источавшей слабый аромат сосны.

Чжань Сюйтань в порядке эксперимента взял одну из специальных маленьких бритв, тонкую как цикадные крылья, лезвие которой отливало зловещим холодным блеском. У этой крошечной вещицы даже не было защитной сетки, и при малейшей неосторожности можно было запросто полоснуть себя по лицу так, что потом пришлось бы идти на утренний доклад с залитым кровью лицом.

— Жить в древности действительно непросто: ради так называемого приличия люди каждый день рискуют собственной шеей, подравнивая бороду.

Бормоча себе под нос жалобы, Чжань Сюйтань неуклюже обмакнул подушечки пальцев в сосновую ароматическую мазь и равномерно распределил её по короткой щетине вокруг рта. Прохладное ощущение в сочетании со свежим ароматом сосны растеклось вокруг, и напряжённая кожа мгновенно заметно расслабилась.

В эту эпоху бородка служила символом высокого статуса и власти. Если бы он сбрил её догола, те старые консерваторы при дворе, которые только и твердят, что тело, волосы и кожа получены от родителей, наверняка снова написали бы коллективную петицию с требованием подвергнуть его импичменту за недостойное поведение и потерю приличий.

К тому же, тот чиновник в зелёном халате, с которым он виделся днём, казалось, был совершенно беспомощен перед столь зрелым и солидным образом. Каждый раз, когда они сходились ближе и дистанция сокращалась, строгий и холодный взгляд собеседника невольно задерживался на его усах и бороде, после чего тот с лёгким смущением отворачивался.

— Похоже, всё-таки стоит её оставить.

Чжань Сюйтань еще немного поглядел на себя в зеркало, легко проводя кончиками пальцев по бороде.

Только что он видел в этой бороде лишь лишние хлопоты, но теперь, взглядевшись внимательнее, понял, что прежний владелец оставил ему в наследство нечто большее, чем просто это тело.

Он оставил целый образ власти, подобающий регенту.

Каждая мелочь при дворе способна повлиять на чужие суждения. Одежда — не исключение, манеры — тоже, и даже аккуратная бородка не была исключением.

Что же до этого упрямца Хэ Чанвэя...

Уголки губ Чжань Сюйтаня едва заметно приподнялись.

На завтрашних общественных слушаниях будет интересно посмотреть, сможет ли это лицо регента заставить того человека хмуриться хоть капельку реже.

<http://bllate.org/book/20997/2134883>